

Экран и сценка. — 1996.
25 июля —
Табл. с 6

Второй московский Международный театральный имени Чехова фестиваль — завершен. Фраза произносится с облегчением и грустью. Первое — поскольку нагрузка сурова: три с половиной месяца марафона, да еще когда спектакли накладываются подчас друг на друга и далеко не всегда мгновения наслаждения или просто удовольствия компенсируют зрительские усилия. Для критика, отслеживающего и без того разливанное сценическое хозяйство столицы, добавка к обычному рациону существенна.

С грустью — естественной по окончании любого праздника, но этого на редкость богатого впечатлениями всякими: от полузабытого ажиотажа и толп перед спектаклями Брука или Стрелера до радости от встреч с давними друзьями из когда-то братских республик или огорчения от беспомощности демонстрируемого на подмостках.

Но финал наступил — со звонким аккордом, шесть вместо четырех обещанных представлений Пикколо-театра — и прежде всего необходимо выразить восхищение организаторам: привезти столько трупп, вызывающих то жгучий, то умеренный интерес — само по себе замечательно. Даже наблюдая лишь внешнюю сторону — спектакли, пресс-конференции, — легко представить, сколько невидимых миру усилий пришлось затратить и главному шефу, Конфедерации театральных союзов, и многочисленным сотрудничающим организациям и лицам, одно перечисление которых занимает в фестивальном буклете-альбоме несколько страниц убористого шрифта.

Но в рафинированное для театруманов блюдо добавлены и капли, отдающие пользой: появление некоторых постановок кажется не только необязательным, но противопоказанным солидному и претен-

Прощание с грустью

дующему на серьезность смотрю. Понятно, когда дело касается стран-членов Конфедерации, которым предоставлено право самим решать, кого они присылают (хотя и тут стоило бы попытаться убедить не показывать заведомо хилые создания). Иное, если речь идет о не слишком выдающихся дальнезарубежных гостях, равно как и по-прежнему анонимных консультантах, которые отсматривали и рекомендовали явно малоудачные постановки, — здесь возникают далекоидущие сомнения.

Другие огорчения связаны с такой организацией выступлений, когда "день приезда — день отъезда" чуть не сливаются: актеры прибывают накануне назначенной даты спектакля, порой ночью, еле успевают пройтись по незнакомой сцене в спешно размещенных декорациях (подчас довольно сложных) перед самым входом зрителей — и отбывают на следующее же утро. Спешка сказывается и на качестве зрелищ, но существеннее, что сами артисты не успевают ни посмотреть своих коллег, ни толком пообщаться между собой — а профессиональные контакты составляют весьма значительную сторону подобных форумов. Московские критики и рецензенты были поставлены в тягостное

положение принимающих парад — только им и удалось (не всем) увидеть полную фестивальную программу.

Заметнейший из крупных недостатков (без мелких в большом деле не обойтись) — скверная реклама. Подчас даже специалистам трудно было определить, "что, где, когда" и приходилось дозваниваться организаторам (отвечавшим всегда любезно и подробно). Но такого положения не должно быть в принципе. И не раз, сидя в полупустом зале на вполне достойном действе, приходилось сожалеть о том, сколько причастных к театру или его поклонников не пришли просто потому, что не знали о спектакле или не были уверены в том, что его стоит смотреть. Предреклама, которая могла бы заинтриговать и привлечь потенциальную публику, — жанр, почти не встреченный на фестивале. Пустые кресла зрительных залов выглядели особенно тоскливо еще и потому, что нынешняя московская публика значительно уступает себе самой восьмидесятилетней давности: она довольно необразованна и как следствие нетребовательна и неразборчива. По слову классика именно ей суждено отделять сценические таланты — поднимать их или опускать до собственного уровня. Нынешний, столь явственный уладок столичной сцены в значительной степени связан с приходом "поколения комиков", которое и на подмостках воспринимает прежде всего поверхностный слой — фабулу да техническую изощренность, подталкивая актеров на игру грубую и плоскую.

Наконец, отсутствие на фестивале широкого зрителя усиливает всегдашнюю, но ныне особенно острую тенденцию изолированности сцены, ее самодостаточности, что для России с ее давними традициями общедоступности и народности подмостков означает не менее как потерю самобытности, скольжения от собора к скиту, от кафедры к междусобойным посиделкам. Да и последние становятся менее людными — немного театральных лиц удостаивали своим присутствием фестивальные спектакли, за исключением наиболее "престижных".

На память о Втором Чеховском останутся многочисленные рецензии — к слову, в целом объективные и профессиональные. Впрочем, остается тот же бич — недостаток глубины и знаний: спектакль чаще всего берется изолированно, вне связи не только с общим процессом, но даже с деятельностью конкретного театра или режиссера. Журнализм, даже без особого бульварного оттенка, — не слишком большое достоинство, когда речь идет об искусстве.

Занавес фестиваля закрыт — остается надежда на будущие его открытия. И — чуть меньше — на стимулирующее его воздействие на некогда славные подмостки Москвы.

Геннадий ДЕМИН.